

■ ■ ■ Модели экологической коммуникации в современном экополитическом процессе

Артюхин О.А.^{1,2}, Иванова Л.Л.², Инжижиков С.М.², Понеделков А.В.²

1. Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
2. Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Аннотация. В статье анализируются экополитические технологии и определяются базовые модели экологической коммуникации в современном политическом процессе. Установлено, что экологическая коммуникация является полноценным политическим механизмом артикуляции коллективных интересов и легитимации властных решений в сфере природопользования. Анализ эволюции представлений об экологических коммуникациях, начиная от концепции Н. Лумана, теории общества риска У. Бека и, заканчивая современной трехкомпонентной теоретической моделью Е.В. Пановой, показал наличие в современной экополитической практике нескольких моделей: реактивная (кризисная), диалоговая (партисипаторная), стратегическая и зарождающаяся цифровая. Каждая из них проиллюстрирована конкретными примерами. В ходе исследования делается вывод о доминировании в современной России стратегической модели. Остальные модели также присутствуют в современном российском экополитическом процессе, но диалоговая же чаще всего остается формальностью, а реактивная проявляется при возникновении экологических кризисов или чрезвычайных ситуаций. Отдельно показана опасность превращения экологической коммуникации в симулякр посредством гринвошинга. В итоге сделан вывод о необходимости активного внедрения цифровой модели экологических коммуникаций в условиях перехода к информационному обществу и разработке верифицируемых индикаторов и институциональных барьеров против экоманипуляций.

Ключевые слова: экологическая коммуникация, экополитический процесс, модели коммуникации, стратегическая коммуникация, диалоговая модель, реактивная модель, цифровая экокommunikация.

Для цитирования: Артюхин О.А., Иванова Л.Л., Инжижиков С.М., Понеделков А.В. Модели экологической коммуникации в современном экополитическом процессе // Коммуникология. 2026. Том. №. С. 155-168. DOI/DOI 10.21453/2311-3065-2026-14-2-155-168.

Сведения об авторах: Артюхин Олег Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» юридического факультета Донского государственного технического университета. Адрес: 344022, Ростов-на-Дону, переулок Журавлёва, 33, корпус 25, аудитория 405; доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС. 344002, Ростов-на-Дону, улица

Конфликт интересов: отсутствует.

Пушкинская, д. 70/54. *E-mail:* artyukhin-oa@ranepa.ru, ORSID: 0000-0002-4101-122X; Иванова Людмила Леонидовна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС. *Адрес:* 344002, Ростов-на-Дону, улица Пушкинская, д. 70/54. *E-mail:* ivanova-ll@ranepa.ru, ORSID: 0000-0003-1006-3227; Инжижиков Сафарби Мухамедович, аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС. *Адрес:* 344002, Ростов-на-Дону, улица Пушкинская, д. 70/54; Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС. 344002, Ростов-на-Дону, улица Пушкинская, д. 70/54. *E-mail:* ponedelkov-av@ranepa.ru, ORSID: 0000-0002-2580-131X.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026. Принята к печати: 16.06.2026.

Введение и постановка проблемы

В современной политической науке рассмотрение экологических коммуникаций происходит в совокупности с исследованиями политических процессов на фоне современной экологической рискогенности. В настоящее время, несмотря на рост экологических угроз, отмечается запоздалая реакция политических институтов на эти угрозы. Экологическая коммуникация в политических коммуникационных каналах становится своеобразным информационным фильтром, пропускающим или блокирующим сигналы об экологической опасности для принятия политических решений и осуществления определенных политических действий.

Существует несколько базовых моделей экологической коммуникации, но теоретические модели Лумана, Бека и других классиков требуют проверки и адаптации к конкретным политическим режимам, что особенно актуально для современных экополитических российских реалий.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Экологическое политическое участие и экологические протестные реакции показывают, что неэффективная коммуникация между властью, обществом и бизнесом ведет к росту социальной напряженности. Применяемые крупными экономическими и политическими акторами технологии гринвошинга дискредитируют идею ответственного природопользования. Цифровизация современной политической системы создает новые каналы для диалога, но порождает и риски дезинформации.

Целью исследования является сравнительный анализ существующих моделей экологической коммуникации и выявление наиболее востребованных из них в современном российском экополитическом процессе.

Методы исследования

В исследовании применялся комплекс методов, свойственных для политического анализа. Компаративистский метод позволил выявить ключевые различия между теоретическими подходами Лумана, Бека и Е.В. Пановой, а также между тремя коммуникационными моделями (реактивной, диало-

говой, стратегической). Метод кейс-стади использовался для углубленного анализа конкретных ситуаций, институциональный подход применялся для изучения роли и взаимодействия ключевых акторов (государство, бизнес, некоммерческие организации, научное сообщество, граждане) в экологической коммуникации, а также для оценки влияния политического режима на баланс трех составляющих модели Е.В. Пановой. Дискурсивный анализ был направлен на выявление гринвошинга, симуляции диалога и учета общественного мнения путем анализа публичных заявлений чиновников, корпоративных отчетов и новостных сообщений. Наконец, элементы контент-анализа использовались для интерпретации количественных данных о состоянии окружающей среды и гринвошинге крупных корпораций. Сочетание перечисленных методов позволило обеспечить комплексность исследования и соединить политический анализ с эмпирической верификацией.

Результаты исследования

В рамках политической науки экологическая коммуникация перестает быть узкой предметной областью прикладной социологии или медиаэкологии и приобретает статус одного из ключевых механизмов артикуляции коллективных интересов, легитимации управленческих решений и распределения общественных рисков. Именно в данном ракурсе следует анализировать теоретическое наследие, накопленное в смежных дисциплинах.

Отправной точкой анализа можно считать основополагающую работу Ниласа Лумана «Ecological Communication» [Luhmann 1989], с точки зрения политологии ключевой тезис Н. Лумана состоит в том, что экологическая коммуникация представляет собой не просто передачу сведений о состоянии природы, а внутренний процесс самоописания социальных систем. Проще говоря, политическая система не может напрямую воспринимать экологические проблемы. Она замечает только то, что уже уложено в ее понятийные рамки властных отношений. Экологические кризисы часто остаются без должной реакции не потому, что ученые не предоставили данных, а потому, что сама политическая коммуникация требует перевода любого факта в плоскость политического дискурса. Если этого перевода не происходит, сигнал об экологической угрозе просто не слышат, какой бы громкой ни была сама угроза.

Прямую противоположность взглядам Н. Лумана предлагает Ульрих Бек. Его «общество риска» [Beck 2007] трансформирует экологическую коммуникацию в коммуникацию техногенных рисков. Современные экологические угрозы, вроде изменения климата или микропластика, не имеют конкретного виновника и не признают границ. Вместо поиска виноватых политикам приходится договариваться о совместном предотвращении будущих рисков. Без публичного обсуждения эти проблемы так и останутся незамеченными.

В ходе исследования обнаруживается фундаментальное противоречие между научными трудами двух классиков. Н. Луман настаивает на том, что

политическая система слышит лишь те экологические сигналы, которые переведены на ее внутренний язык власти и решений. У. Бек, напротив, полагает, что глобальные техногенные риски сами по себе обладают такой силой, что прорывают любые институциональные фильтры. Экологическая коммуникация обретает политический вес только тогда, когда оформляется в конкретное событие, например, в аварию, протест, журналистское расследование, либо встраивается в стратегический политический нарратив, связанный с национальными целями. Но эти события и нарративы не возникают на пустом месте, они опираются на долгую подготовительную работу ученых, активистов и журналистов.

Совершенно иной, эмпирический и активистский вектор задали американские исследователи, а именно Барри Коммонер [Коммонер, 1974], Рэйчел Карсон [Carson 1962], Ральф Найдер [Nader 1970] и Пол Эрлих [Ehrlich, 1970]. Их труды представляют интерес не столько теоретическими конструкциями, сколько тем, как научное знание превращается в политическое требование. Эти исследователи превратили научные данные о вреде инсектицидов, загрязнении воздуха и перенаселении в публичный дискурс. Их работы показали, как экспертные знания через медиа становятся основанием для экологической политики.

Российский ракурс решения экополитических проблем и экологической коммуникации представляют исследования руководителя аппарата комитета ГД ФС РФ по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды Е.В. Пановой [Панова 2024]. Ее теоретическая трехкомпонентная модель экологической коммуникации (рисунок 1), включающая природную, информационно-коммуникативную и социальную составляющие, имеет явное аналитическое преимущество перед вышеназванными. Эта модель позволяет избежать как натуралистической редукции, когда все сводится лишь к состоянию окружающей среды, так и технократического уклона, когда все сводится исключительно к эффективности информационных каналов. Это позволяет преодолеть излишние упрощения и взглянуть на проблему комплексно.

Главное преимущество этой теоретической модели заключается в объединении разрозненных подходов. Взятая по отдельности, каждая из составляющих дает лишь часть картины. Теоретическая модель Е.В. Пановой позволяет видеть их неразрывную связь и служит практическим инструментом для ученых, политиков и специалистов по коммуникациям, помогая им структурировать проблему, выявлять слабые места и строить более сбалансированную и эффективную экологическую политику в целом.

Стоит отметить, что предложенная Е.В. Пановой модель, дает удобную аналитическую рамку, но при ближайшем рассмотрении обнаруживает свои ограничения. Модель исходит из равнозначности природной, информационно-коммуникативной и социальной составляющих, однако

Рисунок 1. Трехкомпонентная модель экологической коммуникации [составлен авторами по: Панова, 2024] / Figure 1. Three-component model of environmental communication [compiled by the authors according to: Panova, 2024].

на практике одна из них почти всегда доминирует в зависимости от политического режима и зрелости гражданского общества. В авторитарных или гибридных политических режимах информационно-коммуникативная составляющая легко подменяется государственной пропагандой, а социальная сводится к одобрению уже принятых решений. Природная же составляющая при таком раскладе рискует почти полностью исчезнуть из публичного дискурса, и тогда экологические проблемы накапливаются, годами не находя решения. Вдобавок указанная модель не предлагает четких измеримых критериев для оценки баланса между тремя компонентами, что сильно затрудняет ее эмпирическую проверку. В ходе дальнейших исследований целесообразна разработка системы экоиндикаторов, позволяющих отличать реальную оценку состояния окружающей природной среды от симулякров общественного обсуждения.

Если суммировать изложенное, то с позиций политической науки экологическая коммуникация предстает как полифункциональный феномен. Первая функция заключается в социальной коммуникации, формирующей экологическую культуру и «зеленую» повестку в общественном мнении, непосредственно влияющую на экополитические процессы. Вторая функция сводится к кризисной коммуникации, которая критически важна в ситуациях

техногенных аварий, когда скорость и достоверность информации напрямую влияют на политическую стабильность и доверие к политическим институтам. Третья функция проявляется в стратегической коммуникации, используемой как государством при реализации экологической политики, национальных проектов, так и бизнесом для экологизации выпуска своей продукции и, так называемого, «зеленого пиара» [Скуланов 2025]. Но здесь требуется особая осторожность, так как при отсутствии верифицируемых индикаторов экологическая коммуникация легко вырождается в симулякр, а именно в «гринвошинг», когда слова об охране природы служат ширмой для продолжения природоразрушительной деятельности.

Таким образом, в работах Н. Лумана, У. Бека, Б. Коммонера, Р. Карсона, Р. Найдера, П. Эрлиха и Е.В. Пановой последовательно проявлена одна и та же закономерность: эффективная экологическая политика невозможна без развитой системы экологической коммуникации. Но и обратное утверждение также справедливо. Сама экологическая коммуникация всегда укоренена в конкретных политико-институциональных условиях. Задача политолога состоит не просто в описании этих условий, но и в предложении механизмов, при которых публичный экологический дискурс перестает быть декорацией и становится реальным рычагом управления общими рисками.

Чтобы понять, как именно экологическая коммуникация становится реальным рычагом (или, напротив, остается декорацией), обратимся к конкретным коммуникационным моделям, представленным в некоторых зарубежных и отечественных исследованиях.

Первая коммуникационная модель обычно возникает как ответ на кризис или конфликтный информационный повод, поэтому она получила название реактивной (кризисной). Ее эффективность напрямую зависит от того, насколько быстро и прозрачно власти реагируют на возникшую проблему. Классической иллюстрацией реактивной коммуникации стали массовые демонстрации в Германии в сентябре 2025 года, организованные движением Fridays for Future, когда тысячи человек в десятках городов выступили против планов правительства по расширению газовой инфраструктуры¹.

Второй экокommunikативной моделью является диалоговая или партиципаторная модель, предполагающая равноправный обмен информацией между властью, обществом и наукой, а не просто ответ на уже случившееся событие. В Европе реализовано несколько успешных проектов, работающих в рамках этой модели. Например, инициативная программа NetZeroCities направлена на поддержку европейских городов в их стремлении достичь кли-

¹ РИА новости. В Берлине проходит протест эко-активистов против развития газовой промышленности. 20.09.2025 // URL: <https://ria.ru/20250920/berlin-2043174067.html> (дата обращения 01.05.2026).

матической нейтральности к 2030 году¹. Она работает как сервисная платформа, предоставляющая городам индивидуальные услуги и поддержку для преодоления структурных, институциональных и культурных барьеров.

Зарубежные исследователи предупреждают об опасности инструментализации диалоговой модели, что связано с несколькими факторами, в том числе контролем над ресурсами и каналами коммуникации. Проблема в том, что элита, контролируя и доступ к информации, и каналы коммуникации, сама задает формат экодиалога и может влиять на его итоги, что автоматически ограничивает возможности для равноправного участия других социальных и политических групп. Еще Чарльз Райт Миллс [Миллс, 1959] убедительно показал, что реальная власть концентрируется у элиты, а широкие народные массы отстранены от управления. Публичное участие становится не механизмом подлинной демократии, а еще одним инструментом в руках элиты.

Третья модель представляет собой стратегическую экологическую коммуникацию, предполагающую взаимодействие широкого круга участников, объединенных общей долгосрочной целью. Для России этот подход особенно актуален в контексте реализации национальных проектов «Экология», «Экологическое благополучие» и др. [Манухина, Клименко, Сурайкина 2023; Панова 2025]. Стратегическая модель в ее российском варианте имеет и сильные, и слабые стороны. С одной стороны, коммуникация власти, бизнеса и гражданского общества делает экологическую политику более предсказуемой. А с другой, возникает риск сговора крупных компаний с политическими акторами в ракурсе обсуждения проблем выгодных бизнесу. Это прямой путь к гринвошингу, причем не случайному побочному эффекту, а системной угрозе для любой стратегической модели, лишенной независимого контроля [Мифтахова, Пантелеева 2022]. Без институциональных барьеров, эффективного экологического контроля или общественной экологической экспертизы реальная экологическая коммуникация рискует полностью раствориться в корпоративном пиаре.

При переходе от общих теорий к конкретным коммуникационным моделям, картина становится еще более противоречивой. На первый взгляд диалоговая, или партисипаторная, модель выглядит самой привлекательной, поскольку прямо соответствует демократическим идеалам. Но европейская практика наглядно демонстрирует, что формальное существование диалоговых площадок фактически не экологизирует политические процессы. Значит, одного диалога недостаточно, а нужны дополнительные механизмы, которые гарантировали бы, что обратная связь действительно влияет на принятие политических решений.

¹ ClimateKIC. European Cities accelerating towards climate neutrality by 2030 // URL: <https://www.climate-kic.org/programmes/europe-2030-missions/netzerocities/> (дата обращения 01.05.2026).

Важен взгляд и на действия масс-медиа в условиях стремительной цифровизации. Социальные сети, мессенджеры, блоги дают гражданам прямой доступ к информации и возможность быстро объединяться [Батанина, 2021], но на практике создают новые проблемы. Размывание внимания, дезинформация, в том числе откровенное отрицание существенных изменений климата, алгоритмические пузыри, которые подстраивают повестку под коммерческие интересы, все это серьезно искажает экологическую коммуникацию [Сибиряков, Перевозова 2023; Смирнова, Яковлева, Ильченко 2025]. К тому же цифровые платформы уязвимы для целенаправленных атак со стороны групп, заинтересованных в разрушении продуктивного экологического дискурса [Лясковская, Халилова 2023].

Рассматривая российское коммуникативное экомоделирование, необходимо подчеркнуть, что реактивная модель жестко привязана к властной вертикали и проявляется при каждом серьезном экособытии. Разлив мазута в декабре 2024 года, к примеру, показал, что, когда власть не вовремя реагирует на экологические вызовы, активисты сами выстраивают коммуникацию [Сулимова, 2026; Тысячнюк 2025] через социальные сети, мессенджеры, видеообращения к Президенту и пр. Парадокс в том, что именно эта кризисная модель нередко оказывается единственным способом превратить экологическую проблему в публичный политический ультиматум, требующий немедленного политического решения.

Будучи далеко не оптимальной, реактивная модель нередко выступает единственным механизмом, благодаря которому системно игнорируемые экологические проблемы прорываются в публичное пространство и получают хоть какую-то ответную реакцию со стороны административных структур.

Третья модель, формально присутствующая в российской практике, диалоговая или партисипаторная. Она реализуется через общественные советы при ведомствах, публичные слушания по экологически значимым вопросам, различные площадки для взаимодействия власти, бизнеса, науки и граждан. В качестве примера можно привести проект Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления «Муниципальный диалог». В 2024 году в его рамках прошла экспертная сессия по направлению «Экомуниципалитет», где представители местной власти могли рассказывать о своих инициативах и проблемах, а общество получало достоверную информацию для открытого диалога со властью¹. Но, как уже отмечалось, в условиях жесткой асимметрии доступа к ресурсам и контроля над повесткой такая модель регулярно вырождается в то, что можно назвать «приглашенным участием». Одним из

¹ Зеленый Фонд. Федеральная проектная команда «Экомуниципалитет» начинает работу в рамках флагманского проекта ВАРМСУ «Муниципальный диалог». 16.10.2025 // URL: <https://greenfond.ru/post/federalnaya-proektnaya-komanda-ekomunitsipalitet-nachinaet-rabotu-v-ramkah-flagmanskogo-proekta-varmsu-munitsipalnyiy-dialog> (дата обращения 03.05.2026).

ярким примером является экоконфликт вокруг строительства мусорного полигона на станции Шиес в Архангельской области [Зайцева, 2020]. Несмотря на массовые протесты, под которыми собрали более шестидесяти тысяч подписей, тогда еще губернатор И. Орлов назвал мусорный полигон «отличным инвестпроектом», а экопротесты объявил следствием банальной политической борьбы, проигнорировав общественное мнение¹. Можно сказать, что диалог в таких условиях иницируется формально и его результаты почти никогда не влияют на окончательные решения. В этом случае критические голоса либо кооптируются, либо остаются неслышанными. Так что диалоговая модель в России остается скорее нормативным ориентиром и формальным механизмом легитимации, а ее подлинно делиберативный потенциал пока не полностью реализован.

Отдельно стоит сказать о гринвошинге, который в российских условиях превращается в системную угрозу для любой стратегической или диалоговой модели, у которой нет независимого экологического контроля и общественного мониторинга. Крупные компании, тесно связанные с государством, нередко используют экологическую риторику как ширму, за которой продолжается природоразрушительная деятельность. По данным исследования, проведенного комитетом по устойчивому развитию АРИР, около 23 % российских компаний прибегали к элементам гринвошинга в своем продвижении, причем 42 % из них признали, что такие «зеленые» манипуляции помогли улучшить репутацию или увеличить доход². В числе российских экологических лидеров по рекламе часто оказываются нефтяные гиганты [Чернышов 2022] вроде «Лукойла» и «Роснефти», которые при этом регулярно становятся фигурантами сообщений о крупных нефтеразливах³. Без верифицируемых индикаторов такая коммуникация превращается в чистый симулякр, где тезисы об охране природы служат лишь прикрытием для варварского природопользования.

В России усиливается процесс цифровизации экологической коммуникации, характерный для информационного общества постмодерна. Благодаря ему экологическая коммуникация оформляется в самостоятельную модель,

¹ Эхо Севера. Шиес. Шесть лет спустя. 07.04.2025 // URL: <https://www.echosevera.ru/2025/04/07/67f37c49825314e1b1015f7b.html> (дата обращения 03.05.2026).

² Sostav. 23% всех агентств и брендов использовали в продвижении гринвошинг. 25.04.2023 // URL: <https://www.sostav.ru/publication/grinvoshing-60188.html> (дата обращения 05.05.2026).

³ Пятин А. Глава «Лукойла» прокомментировал разлив нефти в Коми. 03.06.2021 // URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/431223-glava-lukoyla-prokommentiroval-razliv-nefti-v-komi> (дата обращения 05.05.2026); Грибкова И. Разлившийся в Черном море мазут принадлежал «Роснефти». 30.01.2025 // URL: <https://www.yuga.ru/news/476363-razlivshijsya-v-chernom-more-mazut-prinadlezhal-rosnefti-ushherb-okruzhayushhej-srede-ocenivayut-v-334-mlrd-rublej/> (дата обращения 05.05.2026).

а не остается просто вспомогательным инструментом для других моделей. В новой цифровой модели государство и бизнес все чаще выходят на граждан напрямую через цифровые экоплатформы. К примеру:

– Забайкальский «Экобот» в национальном мессенджере, когда житель увидел свалку или дым, отправил сообщение, дальше уже происходит внутренняя маршрутизация;

– «Экотрекер зеленых привычек», привязанный к нацпроекту «Экологическое благополучие»;

– Ecowiki.ru с онлайн курсами, афишей, возможностью коммуницировать с экспертами и т.д.

По отдельности каждый проект может показаться локальным, но вместе они меняют саму систему экокоммуникации. Цифра перестает быть просто каналом, она начинает структурировать экологическую повестку, формировать обратную связь и экологическую культуру.

Таким образом, каждая представленная модель улавливает только один аспект экоотношений. Задача будущих исследований в области экополитологии состоит в том, чтобы интегрировать их с учетом конкретных институциональных и национальных условий. Проведенное исследование позволило представить к дальнейшему обсуждению ключевой вывод о том, что без постоянного внимания к инициаторам и участникам экодIALOGA, экологические коммуникации рискуют остаться лишь технологией легитимации существующего политического режима и правового порядка, а не реальным инструментом решения экополитических проблем на глобальном, национальном и локальном уровнях.

Выводы. Экологическая коммуникация в современном экополитическом процессе выступает не просто каналом передачи информации, а полноценным политическим механизмом согласования интересов и управления рисками в сфере природопользования.

В ходе исследования установлено, что несмотря на противоположность взглядов на экологическую коммуникацию и экополитические процессы теории Лумана и Бека дополняют друг друга. Выявлена коммуникативная избирательность институтов политической системы, которые воспринимают проблемы экологии только через экополитический дискурс. Трехкомпонентная модель Е.В. Пановой, удобна для анализа, однако на практике один из компонентов почти всегда доминирует, а измеримых и верифицируемых индикаторов баланса экополитических процессов пока не предложено.

В российской экополитической реальности сосуществуют все три предложенные модели экологической коммуникации. Стратегическая модель доминирует через национальные проекты; реактивная проявляется при чрезвычайных ситуациях; диалоговая зачастую остается формальной.

Цифровая экокommunikация постепенно оформляется в самостоятельную модель, однако ее эффективность требует институциональной интеграции с механизмами принятия политических решений. Без этого цифровые каналы рискуют остаться вспомогательным инструментом экологической политики.

Подчеркнем, что для любой модели экологической коммуникации одну из системных угроз представляет гринвошинг, когда экологическая риторика служит ширмой для нерационального и экологически небезопасного природопользования с целью максимизации экономических выгод. Поэтому задача политической науки заключается в разработке верифицируемых индикаторов и барьеров против экоманипуляций. Без этого экологическая коммуникация будет просто инструментом символической легитимации существующего политического режима, а не реальным рычагом решения экологических проблем.

Источники

Батанина И.А., Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Парма Р.В. (2021). Экологическая повестка в российском сегменте социальных медиа: результаты анализа больших данных // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. № 2. С. 409-428.

Зайцева Л.В. (2020). Формирование экологического сознания населения региональными СМИ Архангельской области // Медиаисследования. № 7. С. 348-354.

Коммонер Б. (1974). Замыкающийся круг. Ленинград: Гидрометеоиздат.

Лясковская Е.А., Халилова Г.Р. (2023). Устойчивое развитие в цифровой экономике: киберэкология бизнеса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. Т. 17. № 1. С. 75-89. DOI 10.14529/em230107.

Манухина О.А., Клименко М.Д., Сурайкина К.А. (2023). Национальный проект «Экология»: ключевые шаги в развитии экологической безопасности России // Экономика и предпринимательство. № 11(160). С. 188-194. DOI 10.34925/EIP.2023.160.11.033.

Миллс Р. (1959) Властвующая элита. М.: Издательство иностранной литературы.

Мифтахова В.Л., Пантелеева А.М. (2022). Мнимая экологичность: гринвошинг как фейк-коммуникация // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. № 22. С. 63-66.

Панова Е.В. (2024). Экологическая и научная коммуникации: соотношение понятий // Коммуникология. Том 12. № 2. С. 25-36. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-2-25-36.

Панова Е.В. (2024). Экологические коммуникации: основные типы и характеристики // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 13. № 4. С. 628-643. DOI 10.17150/2308-6203.2024.13(4).628-643.

Панова Е.В. (2025). Экологический рейтинг как показатель эффективности стратегических экологических коммуникаций // Российская школа связей с общественностью. № 39. С. 149-169. – DOI 10.24412/2949-2513-2025-39-149-169.

Сибиряков И.В., Перевозова О.В. (2023). Региональные экологические проблемы и новые средства массовой информации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 3. С. 160-163.

Скуланов А.А. (2025). Трансформация моделей взаимодействия бизнеса и власти в обеспечении экологической безопасности территорий в условиях геополитических вызовов // Социальная политика и социология. Т. 24. № 3(156). С. 101-108. DOI 10.17922/2071-3665-2025-24-3-101-108.

Смирнова О.В., Яковлева Т.В., Ильченко Д.С. (2025). Экологический дискурс в современных российских общественно-политических изданиях: результаты исследования // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 14. № 2. С. 267-284. DOI 10.17150/2308-6203.2025.14(2).267-284.

Сулимова А.А. (2026). Экосоциальная повестка в российском медиадискурсе: сетевой анализ семантических связей (2020-2025 гг.) // Социологический журнал. Т. 32. № 1. С. 87-105. DOI 10.19181/socjour.2026.32.1.5.

Тысячнюк М.С. (2025). Этнография спонтанной экологической мобилизации: разлив мазута в Черном море – 2024 // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 17. № 4. С. 71-101. DOI 10.19181/inter.2025.17.4.4.

Чернышов Д.В. (2022). Нефтеразливы: актуальные проблемы правового регулирования возмещения экологического вреда // Марийский юридический вестник. № 3(39). С. 40-43.

Beck U. (2007). *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.

Carson R. (1962). *Silent Spring*. Houghton Mifflin.

Ehrlich P., Ehrlich A. (1970). *Population resources environment; issues in human ecology*. San Francisco, W.H. Freeman.

Luhmann N. (1989). *Ecological Communication*. University of Chicago Press.

Nader R., Esposito J. (1970). *Vanishing air; the Ralph Nader study group report on air pollution*. New York: Grossman Publishers.

■ ■ ■ Models of environmental communication in the modern ecopolitical process

Artyukhin O.A.^{1,2}, Ivanova L.L.², Injzhokov S.M.², Ponedelkov A.V.²

1. Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation.

2. South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Abstract. The article analyzes ecopolitical technologies and defines the basic models of environmental communication in the modern political process. It has been established that environmental communication is a full-fledged political mechanism for articulating collective interests and legitimizing government decisions in the field of environmental management. Analysis of the evolution of ideas about environmental communications, starting from the concept of Luhmann, the theory of risk society by Beck, and ending with the modern three-component theoretical model by E.V. Panova showed the existence of several models in modern ecopolitical practice: reactive (crisis), dialogical (participatory), strategic and emerging digital. Each of them is illustrated with specific examples. The study concludes that the strategic model is dominant in modern Russia. Other models are also present in the modern Russian ecopolitical process, but the dialogic model often remains a formality, while the reactive model manifests itself in the event of environmental crises or emergencies. The danger of turning environmental communication into a simulacrum through greenwashing is shown separately. As a result, it is concluded that it is necessary to actively implement a digital model of environmental communications in the context of the transition to an information society and the development of verifiable indicators and institutional barriers against eco-manipulation.

Keywords: environmental communication; ecopolitical process; communication models; strategic communication; dialog model; reactive model; digital ecocommunication.

For citation: Artyukhin O.A., Ivanova L.L., Injzhokov S.M., Ponedelkov A.V. Models of environmental communication in the modern ecopolitical process // Communication science. 2026. Vol. 14. No. 2, pp. 155-168. DOI DOI 10.21453/2311-3065-2026-14-2-155-168.

Inf. about the authors: Artyukhin Oleg Aleksandrovich, candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Faculty of Law of the Don State Technical University, 33 Zhuravleva Lane, building 25, room 405, Rostov-on-Don, 344022; associate professor of the Department of political science and ethnopolitics of the South Russian Institute of Management, a branch of the RANEPА, 70/54 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002. *E-mail:* artyukhin-oa@ranepa.ru, ORSID: 0000-0002-4101-122X; Ivanova Lyudmila Leonidovna, candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science and ethnopolitics of the South Russian Institute of Management, a branch of the RANEPА, 70/54 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002. *E-mail:* ivanova-ll@ranepa.ru. ORSID: 0000-0003-1006-3227; Injizhokov Safarbi Mukhamedovich is a postgraduate student at the department of political science and ethnopolitics of the South Russian Institute of Management, a branch of the RANEPА, 70/54 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002; Ponedelkov Alexander Vasilyevich, Doctor of Political Sciences and Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics South Russian Institute of Management, a branch of the RANEPА, 70/54 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002. *E-mail:* ponedelkov-av@ranepa.ru. ORSID: 0000-0002-2580-131X.

Received: 20.02.2026. *Accepted:* 16.06.2026.

References

- Batanina I.A., Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Parma R.V. (2021). The environmental agenda in the Russian segment of social media: the results of big data analysis. *Izvestia of Tula State University. Earth Sciences*. No. 2, pp. 409-428. (in Rus.).
- Beck U. (2007). *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.
- Carson R. (1962). *Silent Spring*. Houghton Mifflin.
- Chernyshov D.V. (2022). Oil spills: actual problems of legal regulation of compensation for environmental damage. *Mari Law Bulletin*. No. 3(39), pp. 40-43. (in Rus.).
- Commoner B. (1974). *The closing circle*. Leningrad: Hydrometeorological Publishing House. (in Rus.).
- Ehrlich P., Ehrlich A. (1970). *Population resources environment; issues in human ecology*. San Francisco, W.H. Freeman.
- Luhmann N. (1989). *Ecological Communication*. University of Chicago Press.
- Lyaskovskaya E.A., Khalilova G.R. (2023). Sustainable development in the digital economy: cyberecology of business. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*. Vol. 17. No. 1, pp. 75-89. DOI 10.14529/em230107. (in Rus.).
- Manukhina O.A., Klimenko M.D., Suraikina K.A. (2023). The National project «Ecology»: key steps in the development of Russia's environmental safety. *Economics and entrepreneurship*. No. 11(160), pp. 188-194. DOI 10.34925/EIP.2023.160.11.033. (in Rus.).
- Miftakhova V.L., Panteleeva A.M. (2022). Imaginary environmental friendliness: greenwashing as fake communication. *Social communication: science, education, profession*. No. 22, pp. 63-66. (in Rus.).
- Mills R. (1959) *The ruling elite*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature.
- Nader R., Esposito J. (1970). *Vanishing air; the Ralph Nader study group report on air pollution*. New York: Grossman Publishers.
- Panova E.V. (2024). Ecological and scientific communication: correlation of concepts. *Kommunikologiya*. Vol. 12. No. 2. pp. 25-36. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-2-25-36 (in Rus.).
- Panova E.V. (2024). Environmental communications: main types and characteristics. *Questions of the theory and practice of journalism*. Vol. 13. No. 4, pp. 628-643. DOI 10.17150/2308-6203.2024.13(4).628-643. (in Rus.).

Panova E.V. (2025). Environmental rating as an indicator of the effectiveness of strategic environmental communications. *Russian School of Public Relations*. No. 39, pp. 149-169. DOI 10.24412/2949-2513-2025-39-149-169. (in Rus.).

Sibiryakov I.V., Perevozova O.V. (2023). Regional environmental problems and new mass media. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. No. 3, pp. 160-163. (in Rus.).

Skulanov A.A. (2025). Transformation of business and government interaction models in ensuring environmental safety of territories in the context of geopolitical challenges. *Social Policy and Sociology*. Vol. 24. No. 3(156). pp. 101-108. DOI 10.17922/2071-3665-2025-24-3-101-108. (in Rus.).

Smirnova O.V., Yakovleva T.V., Ilchenko D.S. (2025). Ecological discourse in modern Russian socio-political publications: research results. *Questions of the theory and practice of journalism*. Vol. 14. No. 2, pp. 267-284. DOI 10.17150/2308-6203.2025.14(2).267-284. (in Rus.).

Sulimova A.A. (2026). The ecosocial agenda in Russian Media Discourse: a network analysis of Semantic connections (2020-2025). *Sociological Journal*. Vol. 32, No. 1, pp. 87-105. DOI 10.19181/socjour.2026.32.1.5. (in Rus.).

Thousandnyuk M.S. (2025). Ethnography of spontaneous ecological mobilization: fuel oil spill in the Black Sea – 2024. *The interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 4. pp. 71-101. DOI 10.19181/inter.2025.17.4.4. (in Rus.).

Zaitseva L.V. (2020). Formation of the ecological consciousness of the population by the regional media of the Arkhangelsk region. *Media Studies*. No. 7, pp. 348-354. (in Rus.).